

THE IMAGES OF THE OTHER IN INTERCULTURAL INTERACTION: ON THE PROBLEM OF PERCEPTION OF ANOTHER CULTURE IN MULTINATIONAL TATARSTAN IN THE 1930-1970S

Ilnara I. Khanipova

Sh. Mardzhani of Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences. Kazan, Russia.
Email: [ihanipova\[at\]mail.ru](mailto:ihanipova[at]mail.ru); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>

Abstract

The article is devoted to the analysis of the Alien / Another / Different images in the cultural space of the Tatar ASSR in the 1930s - 1970s. Based on the archival documents, oral history materials and the example of the multinational region, the author considered intercultural communication and the problems of perception of another / different culture. Much attention is paid to the study of the socio-cultural space of Tatarstan villages.

The analyzed material made it possible to find out how the inhabitants of the village and the city perceived the image of the Alien who was once believed to be an Alien in the rural world. The study also revealed how the perception of the Alien had been transformed during the pre-war, military and post-war periods as well as whether there is a difference in the perception of the Alien on the part of locals and newcomers.

As a result of the research, the images of the Alien were created through the characteristics of alimentary qualities through clothing and appearance, as well as behavioral aspects.

The author came to conclusion that the image of the Alien was more often formed as general knowledge about the social, spiritual and material culture of representatives of various people living nearby. In intercultural communication, which often took a form of a dialogue, the formula was “ours – another”, not “ours - alien’s”. According to the author, the experience of long-term residence of the people, inhabiting the Tatar ASSR, had a positive impact on the dialogue and interpenetration of cultures.

Keywords

Tatarstan; the Stranger; the Other; Frontier; Interculturality; Different Culture; Multi-national Region; Soviet Period; Village; Children

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ОБРАЗЫ ДРУГОГО / ЧУЖОГО В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ИНОЙ КУЛЬТУРЫ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ТАТАРСТАНЕ В 1930–1970-Е ГГ.

Ханипова Ильнара Ильдусовна

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань, Россия.
Email: [ihanipova\[at\]mail.ru](mailto:ihanipova[at]mail.ru); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>

Аннотация

Статья посвящена анализу образов Чужого / Другого / Иного в культурном пространстве Татарской АССР в 1930–1970-е гг. Основываясь на архивных документах и материалах устной истории, на примере многонационального региона автор рассмотрел межкультурные коммуникации, проблемы восприятия иной / другой культуры. Большое внимание уделено изучению социокультурного пространства татарстанских деревень.

Проанализированный материал позволил выяснить, как жители села и города воспринимали образ Чужого, кто считался Чужим в деревенском мире, как трансформировалось восприятие Чужого на протяжении довоенного, военного и послевоенного периода, есть ли разница в восприятии Чужого со стороны местных и пришлых.

В результате исследования реконструированы образы Чужого через характеристики алиментарности, одежды и внешнего облика, а также поведенческие аспекты. Автор пришел к выводу, что образ Чужого чаще формировался как общие знания относительно социальной, духовной и материальной культуры представителей различных, живущих рядом народов. В межкультурной коммуникации, чаще носившей форму диалога, действовала формула «свой / другой», а не «свой / чужой». По мнению автора, способность к налаживанию диалогов, возможность взаимопроникновения культур базируется на опыте длительного совместного проживания народов, населявших Татарскую АССР.

Ключевые слова

Республика Татарстан; Чужой; Другой; фронтир; межкультурное взаимодействие; иная культура; многонациональный регион; советский период; село; дети

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Методологической базой данной статьи стала теория фронта, получившая широкое развитие в контексте целого ряда гуманитарных исследований. В последние годы ученые все чаще используют термин «фронт» в метафорическом значении, в междисциплинарном дискурсе, в контексте антропологических и культурологических исследований, в ходе которых изучаются подвижные границы, как физические, территориальные, так и ментальные, умозрительные (См. подробнее: Якушенков, Романова, Баева, Хлыщева, Морозова & Якушенкова, 2014, с. 306). Сама концепция фронта в отечественной историографии постепенно завоевывает прочное место, охватывая новые территории исследований. При этом учеными выделяется три основных направления: социально-географическое, цивилизационное и альтернативное (Соболева & Бобров, 2011, с. 190).

Понимая фронт как некую своеобразную «контактную зону» различных групп – этнических, социальных и т.д. (См. об этом: Якушенков, Романова, Баева, Хлыщева, Морозова & Якушенкова, 2014, с. 308), в своем исследовании речь ведем, прежде всего, о межкультурном взаимодействии акторов, об освоении нового социального пространства. Анализ многочисленных воспоминаний и интервью сельских жителей Республики Татарстан позволил прийти к выводу, что необходимо рассматривать фронт не только как территорию, но и как культурную парадигму, возникающую в виде реакции на «встречу-с-чужим».

Важны для нас и проблемы культурной безопасности, конструкты межкультурного взаимодействия на фронтальных территориях, факт появления новых культурных паттернов в ходе межкультурных коммуникаций в границах «свой-чужой», подробно рассмотренные Е. В. Хлыщевой (Хлыщева, 2016).

В современной отечественной историографии сложилось и успешно развивается направление, занимающееся изучением образа Чужого через призму алиментарной культуры. Считая алиментарность одним из базовых аспектов его восприятия, изучая как реальные факторы, так и стереотипы, Р. Т. Алиев, С. О. Якушенкова на примерах разных этнических групп сумели выделить определенные модели образов Чужого (Алиев & Якушенкова, 2018).

С точки зрения российского исследователя С. Н. Якушенкова, в основе образа Чужого лежат три ключевых значимых аспекта: алиментарность, вестиментарность (одежда и внешность, внешний облик в целом) и сексуальность (поведенческие аспекты) (см. об этом:

Якушенков & Якушенкова, 2012, сс. 234–235). Данные параметры легли в основу исследования проблемы восприятия образа Иного /Чужого в многонациональном регионе.

Применительно к Татарстану в рамках фронтирной теории возможности межкультурного диалога даже в тяжелейших условиях военного времени – на примере взаимоотношений немецких военнопленных и жителей г. Елабуги – показали И. И. Ханипова и Е. Г. Кривоножкина (Ханипова & Кривоножкина, 2018).

ОПРЕДЕЛЯЯ СЕБЯ И ЧУЖОГО

В период становления Советской власти Татарская АССР испытала мощные потрясения, связанные не только с экономическими перипетиями, но и социальными процессами, оказавшими сильное влияние на положение ее жителей, около 90 % которых проживали в сельской местности. Основная масса крестьянства тяжело воспринимала как новую государственную политику, так и тех, кто реализовывал ее на местах.

Чужаками, причем и в деревне, и в городе, часто воспринимали комсомольцев, поскольку они продвигали новые порядки. Комсомолка 1920-х гг. А. П. Булатова, вспоминая свои юные годы, сопротивление зажиточного крестьянства против коллективного уклада хозяйства, нежелание родителей обучать в школах девочек, писала:

«Обстановка – разоренная страна... молодежь – малограмотная, но энергичная, жадная до работы, дисциплинированная. Комсомолу и молодежи 1920-х годов, чтобы идти вперед, надо было убрать с дороги все старое, прогнившее. Нелегкой была борьба со старыми порядками на селе, со старым бытом на селе...» (ГА РТ, 1958, л. 124).

Весьма красочно она показала реакцию деревенских жителей на нововведения, запрет на вступление девушек в комсомол:

«Привезли моду куда хуже русской, скромной, красивой. Если бы видел наших девушек Некрасов, он бы не назвал их “русской красавицей”» (ГА РТ, 1958, л. 126 об.).

В 1920–1930-е гг. в деревнях и селах многонациональной Татарской АССР формирование советского быта, новой обрядности шло весьма медленно. Неприятие нововведений, например, активного привлечения женщин к общественной работе, непонимание функций делегатов приводили к сложностям внутри отдельных семей и сельского мира в целом. Так, в июле 1927 г. заведующая женотделом Елабужским кантоном Татарской АССР Калиновская писала, что

в некоторых селениях, например, в д. Большая Качка, у крестьянок сложилось мнение, что в делегатки выбирались самые развратные женщины (ГА РТ, 1927, л. 59).

Пришлыми, чужаками были и приезжавшие в деревню рабочие, представители партийных и советских органов. Народ смущал стиль одежды – кожанки, тужурки (хотя в те голодные, холодные времена одевались кто во что горазд). Непривычной была активность женщин. Горожанки, как правило, представляли систему Наркомздрава или Наркомпроса Татарской АССР, направлялись в сельскую местность разъяснять вопросы охраны материнства и детства, необходимость создания яслей и детсадов. Они разительно отличались от деревенских женщин, особенно татарских, большей свободой в выражении собственного мнения, пусть и формируемого в духе государственных задач. В данном случае имеется в виду не антиномия цивилизация / варварство, но острое восприятие инаковости Другого.

Вспоминая рассказы матери, приехавшей учительствовать в Бизяки в 1931 г., уроженка села Альта Махмутова рассказывала, что до войны преподаватели постоянно менялись. На них возлагались непомерные нагрузки по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, вовлечению детей школьного возраста в учебный процесс; при яром сопротивлении многих родителей «безбожной» школе, да и в целом – коллективизации.

«В 1931 г. после окончания годичных учительских курсов при Елабужском педучилище, – рассказывала мать героини Р.А. Валиахметова, – я была направлена учителем в Бизякинскую школу. Добралась до Бизяков 15 августа в три часа пополудни... Хотя считалось, что в деревне еще зимой был организован колхоз, фактически он существовал лишь на бумаге. Нам, только что прибывшим в Бизяки молодым учителям, сразу же поручили работу по вовлечению в колхоз бизякинцев. Где там! Бизяки очень отсталая деревня, жители сильно противятся созданию колхоза. На собрания не приходят, к нам относятся как к чужакам, актива почти нет. В школе нет ни бумаги, ни чернил, а ученики все прибывают. Всего в моем классе будет 47 учеников. Работать очень тяжело, порядка нет» (Махмутова, 2017, сс. 299–300).

Не всегда человека со стороны воспринимали как Чужого. Когда во второй половине 1930-х гг. в колхозе «Зай» Альметьевского района появился первый грузовой автомобиль полуторка, его водителя в народе прозвали Русский Степан, тем самым обозначая, что он Другой, но вполне принимая в свой деревенский мир. Точно так же обозначили и письмоносца «мокша Артемьев из села Тихоновка» (Новое Надырово, 2010, сс. 75, 78).

Вместе с тем, Чужими деревенскому миру становились те женщины, которые, проводя политику Советской власти, например, реквизируя хлеб у «кулачества», молоко на выполнение государственных поставок в годы военного лихолетья, несмотря на кучу малолетних детей – голодных ртов в семье, забывали свою женскую, материнскую природу. Очевидцы событий времен Великой Отечественной войны вспоминали, как один из руководителей Нового Надырова не разрешил кормящей матери отлучиться с работы, сказав в ответ на ее просьбу: «Закиснет молоко – катык¹ будет» (Новое Надырово, 2010, с. 91).

Модернизация 1920–1930-х гг., создание в самых отдаленных уголках республики структуры новой советской культуры, пусть со слабой материальной базой, но зато с большими надеждами на светлое будущее, постепенно приводили к определенным изменениям. Участвуя в кружках и работе изб-читален, в праздничных мероприятиях, направленных на конструирование новой обрядности, сельчане (в первую очередь молодое поколение) обретали навыки социалистической культуры, постепенно уходя от традиций и становясь теми самыми «новыми» людьми. С укреплением позиций Советской власти стали появляться новые обычаи, иначе стали проводиться праздники имянаречения – т.н. «октябрины». Выстраивание отношений в деревенском сообществе, формирование новых советских традиций выпало на долю сельского актива и учительства.

«В 1935 году произошло событие, привлекшее внимание бизякинцев: 4 августа 1935 года в Бизякинском сельсовете был зарегистрирован брак секретаря сельсовета Махмутова Хазиахмета (Хазея) Махмутовича и учительницы Валиахметовой Ркии Ахметовны. Это был новый обряд, заменивший никах (венчание – И.Х.) и соответствовавший новой жизни, что привлекло внимание сельчан. Свадьба тоже отличалась от обычных сельских свадеб – был устроен “кызыл туй” (“красная свадьба”), скромный, но очень торжественный» (Махмутова, 2017, с. 302).

Вместе с тем, как показывают рассказы очевидцев, анализ архивных материалов, в те же 1930-е и даже 1940–1950-е гг. в сельских и колхозных клубах во время концертов в честь советских государственных праздников исполнялись народные песни.

По словам той же А. Махмутовой, ее родители, представители сельской интеллигенции, не являлись ниспровергателями «всего и вся, как это было характерно для многих строителей новой жизни того времени». Наоборот, их видели созидателями нового в деревне –

1 Катык – это традиционный кисломолочный татарский напиток, который получают путем томления и последующего сквашивания молока.

именно их семья первой приобрела патефон, радиоприемник, велосипед, другие проникавшие в жизнь деревни предметы городского обихода.

«По рассказам родителей и односельчан, а позднее и моих собственных наблюдений, – пишет в своих воспоминаниях Альта Хазиевна, – сельская интеллигенция представляла новые порядки, устанавливавшиеся в стране, и поэтому не имела права на неправильные шаги или ошибки» (Махмутова, 2017, с. 303).

Пришлая учительница всей душой отдавалась любимому делу. Когда-то воспринимавшаяся бизякинцами чужаком, в результате упорной работы она стала одним из уважаемых и авторитетных людей в деревне.

Образы Чужого / Другого наиболее ярко проявились в годы Великой Отечественной войны. В условиях массовой эвакуации помимо организовано переправляемых предприятий и их рабочих в ТАССР прибывали массы «простых» людей. Все усилия государства были направлены на нужды обороны, обеспечение гражданского населения отходило на задний план, поэтому происходило немало конфликтов, вызываемых столкновением материально-экономических, бытовых интересов жителей. Вместе с тем, культурные различия не мешали взаимодействию местных и пришлых, воспринимаемых кем-то – Другими, кем-то – откровенно Чужими. З.М. Хаеров, 1924 г.р., рассказывал о беженцах войны, прибывших в Шугуровский район, о преодолении языковых барьеров:

«Деревни у нас небогатые, тогда все жили очень скромно. Но к беженцам относились очень сердечно... В деревнях татарских мало кто знал русский язык. Но все равно местное население и беженцы нашли общий язык. Главным ведь было понимание, что надо помочь людям пережить на чужбине военную пору. Многие татары в общении с беженцами выучили русский язык, а беженцы – татарский» (Хаеров, 2020, с. 181).

У беженцев тревогу вызывали не столько местные люди, сколько пристанища. Поэт Всеволод Багрицкий, приехавший 18-летним юношей в эвакуацию в Чистополь, второй по величине город Татарской АССР, в своем дневнике 16 октября 1941 г. писал:

«Сейчас нахожусь в Чистополе. В двадцати часах езды на пароходе от Казани. Приехал сюда я только вчера вечером. Но чувствую – тоска здесь невероятная... Скоро начнется зима, навигация прекратится. И этот дрянной Чистополь вообще будет отрезан от мира. Картина безрадостная» (Громова, 2012, сс. 87–88).

Эту безмерную тоску вызывал город. Что было говорить о столичных жителях, приехавших в деревни далекой глубинки.

Освобожденный от призыва по близорукости, В. Э. Багрицкий все-таки добился отправки на фронт. Зато старшие товарищи по перу, А. К. Гладков и А. Н. Арбузов, оставались в тылу. В своем дневнике 6 марта 1942 г. А. К. Гладков написал достаточно жесткую характеристику: «Читали мы его и смеялись до слез. Человек находится на фронте, а пишет о разных пустяках. <...> Попал Севка как кур в ощип. В целом жалкое письмо». На тот момент В.Э. Багрицкий уже отдал жизнь за Родину (Громова, 2012, сс. 92, 93, 237).

У самого А.К. Гладкова, попавшего в Чистополь в конце осени 1941 г., остались иные впечатления:

«Маленький обычный провинциальный городок с приездом эвакуированных москвичей и ленинградцев принял своеобразный вид. Особый оттенок придавали ему писатели, которых было, вероятно, несколько десятков. В модных пальто и велюровых шляпах, они бродили по улицам, заквашенным добротной российской грязью, как по коридорам дома на улице Воровского. Не встречаться два-три раза в день было почти невозможно. Все получали деньги через отделение ВУАПа, разместившееся на втором этаже деревянного домика; все обедали в крохотной столовке, напротив райкома; все ходили читать подшивки центральных газет в парткабинет, все брали книги в библиотеке Дома учителя» (Гладков).

А вот Б. Л. Пастернак вспоминал «безымянные встречи с незнакомыми на улице», «милый его сердцу» город на Каме, душевно поддерживавший поэта своим общим видом и деревянной резьбой на окнах и на воротах (Гладков).

Непривычным, особенно для столичных жителей, оказался быт татарской деревни:

«В татарском селе эвакуированным сначала все было и ново, и чуждо, и интересно. Они с удивлением наблюдали, как наши бабушки и дедушки во двор ходят с кумганом¹ даже зимой, потом садятся на пол и читают намаз... А зимой, когда местные женщины ехали по улице с запряженными в сани коровами за дровами в лес, вся ребятня и даже взрослые “приезжие” с открытыми ртами глазели на это зрелище, возмущаясь» (Мухутдинова, 2005–2006, с. 10).

Коров, как и быков, использовали не только в качестве гужевого транспорта, но и на пашне. В разгар войны, когда коровы обессилели настолько, что уже не могли выполнять тяжелые работы, во многих

1 Кумган – узкогорлый кувшин для воды с носиком, применяемый у восточных народов для умывания и мытья рук, исходя из традиции отправления естественных потребностей.

деревнях и селах республики во время посевной деревенские жители сами запрягались вместо лошадей и коров. В Мамадышском районе в такую упряжку попали и эвакуированные женщины, работавшие в колхозе, в результате чего разгорелся скандал, т.к. была написана жалоба об издевательствах над приезжими. На наш взгляд, причиной тому было никак не плохое отношение к эвакуированным, но нужды страшного военного времени. Встречались и негативные высказывания в адрес эвакуированных, как правило, приезжих из столицы: те не умели, да и не желали трудиться на физически очень тяжелых колхозных работах, жаловались во все инстанции, что над ними издеваются, заставляя работать, что хозяйки домов, где они живут, не обеспечивают их дровами и т.п. (ГА РТ, 1942а, л. 18).

В условиях компактного проживания нескольких национальностей с различными конфессиональными традициями, даже среди жителей одной и той же республики наблюдался феномен фронта. Быстрее всего преодолевали культурные, языковые и иные барьеры дети и подростки, в меньшей степени воспринимая приезжих Чужими. Вспоминая войну, Ирина Бушканец, в три года оставшаяся сиротой и воспитывавшаяся бабушкой, рассказывала, как она общалась с детьми ближайших соседей, татар, которые учили ее своему языку: «эни ульде» (мама умерла), «эти – эштэ» (папа на работе), «эби – идэ» (бабушка дома). Ирина очень долго помнила бытовой татарский язык, говорила без акцента, отмечала дружелюбие соседей. Рассказывала, как дети всего двора помогали другой многодетной татарской семье, у которой сохранилась корова, добывать корм: искали траву, приносили ботву овощей из дома и т.д. Хозяйка же в ответ раза два в неделю больным и обессиленным ребятам приносила пол-литра молока (Бушканец, 2013, с. 89).

«Эвакуированные дети все говорили на русском, а нам, деревенским, было интересно с ними общаться, вот и выучили», – отмечала другая современница войны (Козлова, 2020, с. 92). Попадая в иную языковую среду, дети быстро осваивались и начинали общаться. Об этом свидетельствуют и воспоминания Э. А. Балалыкиной, отца которой после войны направили восстанавливать Вильнюс, и она вынуждена была очень быстро научиться говорить на литовском языке (Балыкина, 2013, с. 10).

Нередко приезжие становились образцом для подражания. Г. А. Николаев вспоминал, как приехавший в эвакуацию сын инженера, работавшего на пороховом заводе, высокий блондин, сильно отличавшийся от своих сверстников образованностью и воспитанностью, умением играть на скрипке и трубе, пользовался уважением

местных мальчишек. Он же повлиял на музыкальные пристрастия Геннадия, сохранившиеся на всю жизнь – песни Л. Утесова, мелодии пасадобля «Рио-Рита» и др. (Николаев, 2013, с. 46).

Стоит сказать, что интерес проявлялся не только к эвакуированному населению, но и к военнопленным лагерей, находившихся на территории республики. Телесность фашистов, представителей Чужого, воспринималась подчас с ирреальными чертами. Многие дети Елабуги стремились посмотреть на заключенных концлагеря, веря, что у них что-то неладное, например, есть рога на голове (Ханипова & Кривоножкина, 2018, с. 66). Об этом же писали и астраханские исследователи: «фашист – всегда был недочеловек, носитель особых черт, особого лица. Его внешность была лишена человечности, а лицо привлекательности» (Якушенков & Якушенкова, 2010, с. 114).

После войны расширение масштабов культурного обмена между городом и селом привело к постепенному стиранию границ между своим и Чужим. Получившие широкое распространение в 1950-е, но особенно – в 1960–1970-е гг. сельские агитбригады помимо официальных песен в большей степени исполняли народные песни и пляски, колхозные частушки. В каждом районе существовали «свои» песни и манера исполнения. Но нередко можно было увидеть, как татары лихо танцевали русские плясовые, исполняли удмуртские и марийские песни, русские играли татарские напевы и т.п.

К деревенским коллективам для методической помощи, подбора их репертуара все чаще стали приглашаться специалисты из города. Концертные бригады Татарской государственной филармонии во время гастролей давали своеобразные семинары. Такого рода взаимодействия стирали культурные границы.

ЭВАКУИРОВАННЫЙ КАК ДРУГОЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ТАТАРСТАНЦЕВ. МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГЛАЗАМИ ЭВАКУИРОВАННЫХ

Великая Отечественная война привела к массовому перемещению людей из оккупированных и прифронтовых районов вглубь страны. Наряду с другими тыловыми регионами большое число эвакуированных приняла Татарская АССР. По официальным данным, на 15 января 1942 г. в республике было размещено 273,5 тыс. человек из Белоруссии, Литвы, Латвии, Молдавии, Эстонии, Воронежской, Калининской, Ленинградской, Московской и других областей (ГА РТ, 1942б, л. 183). Основная часть эвакуированных состояла из женщин и детей.

Изучение архивных источников периода Великой Отечественной войны, анализ собранных в ходе экспедиционных поездок по деревням республики материалов устной истории позволили рассмотреть, как проходила социальная и бытовая адаптация эвакуированных в ТАССР.

Прибывшие из крупных городов дети и взрослые оказывали на деревенских разное впечатление. А.П. Козлова, чувашка по национальности, в своих воспоминаниях рассказывала о невероятно хорошей, доброй учительнице русского языка из Латвии, которая, несмотря на трагическую потерю дочери и мужа, оставалась «светлым человеком», замечательным преподавателем, «возможно под впечатлением от этой женщины в будущем я стала учителем русского языка», – говорила она (Козлова, 2020, с. 92).

Неоднозначной была встреча эвакуированных с оккупированных немцами территорий в с. Бизяки Менделеевского (тогда Бондюжского) района республики. Помимо Ленинградского интерната детей журналистов, эвакуированных Дома ребенка, госпиталя, в райцентр Бондюга были направлены сотни семей с прифронтовых территорий. Десять еврейских семей прибыли и в Бизяки.

«Вначале большинство местных жителей боялись пускать их на квартиры. Но законы военного времени были жестки. Да и сами жители видели, какие это были изнуренные, измученные дальней дорогой люди. А в их глазах столько горя, отчаяния... За 2–3 дня “приезжие”, как их сразу стали называть местные, обустроились. Первым делом, почти все, как будто сговорились, истопили бани. “Приезжие” вымылись, поменяли белье, привели себя в порядок. А вечером все сидели за столом, пили чай, и хозяева расспрашивали о тех страшных днях, которые успели пережить жильцы» (Мухутдинова, 2005–2006, с. 9).

Е.В. Хлыщевой высказано мнение, что важной характеристикой фронтирных территорий – зон пересечения культур – является высокая мобильность больших групп людей, несущих новые формы культурных и социальных контактов. Поэтому процесс коммуникации здесь нацелен на практическое общение. Мы полностью поддерживаем высказывания Е.В. Хлыщевой о возможном осложнении межкультурного взаимодействия неравенством, возникающим из права быть иным, об этнокультурном расслоении общества, этнизации социальных отношений и политизации повседневных конфликтов, которые могли вылиться в конфронтацию «своего» и «чужого» (Хлыщева, 2016, мс. 34, 35). Однако между приезжими и деревенскими людьми на территории Татарстана не происходило никаких конфликтов этнического характера... Бытовая неустроенность, тяже-

лейшая работа, которую приходилось выполнять и тем и другим, вызвали больше напряженности по линии свой / Другой, нежели свой / Чужой.

Выступая в 2013 г. на конференции в Зальцбурге, мы с похожих позиций истолковали единственную найденную нами в архивных делах запись о конфликте, возникшем между приехавшим в эвакуацию московским школьником и местными казанскими ребятами. Навязываемая некоторыми коллегами версия о «плохом отношении к евреям» в ТАССР в период эвакуации, о столкновениях межнационального характера была полностью опровергнута многочисленными фактами из экспедиционных материалов устной истории, а также архивных документов.

Ярким примером межкультурной коммуникации стало взаимодействие местных детей и подростков с эвакуированными в процессе совместного труда. В рассказах жительницы Чистополя Н. С. Харитоновой, в годы войны учившейся в школе, чувствуется неуверенность в своей «культурности» – чистопольцы не носили очки, многие впервые видели и слышали скрипку. Говоря об интересе местных к «культурным» эвакуированным, к концертам скрипачки Елены Лунц, она в тоже время с гордостью заявляла:

«Зато, чем мы могли щегольнуть, так это знанием трудовых процессов, названий орудий труда. Уж мы-то мотыгу не называли “мотыглем”, не затрудняясь, отличали сорняк от всходов огурцов, петрушки, лука. Работали вместе и пели: мы наши песни из фильмов, они свои национальные – латышские, украинские, белорусские. Эти песни нравились нам, и мы вскоре тоже запели их» (Чистополь и чистопольцы, 2004, с. 177).

Уроженка г. Витебска Л.Л. Сперанская-Штейн, окончившая в 1941 г. Ленинградский государственный университет, приехала в эвакуацию в Татарскую АССР и до 1944 г. проработала воспитателем эвакуированных из блокадного Ленинграда детей в с. Шигаево Сармановского района. Находясь в сельской глубинке, в глухой татарской деревне, молодая еврейка настолько увлеклась зарисовками одежды и быта татар, что после войны написала немало работ, посвященных культуре этого народа, стала первой женщиной-сценографом Казанского театра кукол, профессионально изучив национальный бытовой костюм и традиции-манеры его ношения, выпустила первый иллюстрированный альбом «Костюмы казанских татар». Своим творчеством эта удивительная женщина продемонстрировала истинную ценность диалога культур русского и татарского народа.

В биографическом произведении эстонской писательницы Л. А. Промет «Деревня без мужчин» (1962), посвященной ее жизни в годы эвакуации в д. Старое Байсарово Актанышского района ТАССР, автор, наряду с эстонцами, изображает и представителей других народов, в частности, татар.

Несмотря на краткий период проживания эвакуированных в деревнях и селах ТАССР, их образы, внешний вид оказали сильное впечатление на местное население, надолго отложились в памяти.

НОВАЯ ПИЦЦА, НОВЫЕ ВКУСЫ

Современные отечественные исследователи, изучая культурные процессы через призму фронта, наблюдают фронтальные тенденции и в алиментарных практиках населения (см., например: Якушенков & Палаткин, 2020). Благодаря Американской администрации помощи (АРА) тысячи татарстанских мальчишек и девчонок, в основном – жители деревни, в период голода начала 1920-х гг. попробовали вкус какао, концентрированного сгущенного молока, рисового пудинга, а многие впервые надели настоящую кожаную обувь – американские ботинки Джоуля.

Подробно изучившая алиментарную культуру как один из параметров восприятия Чужого, О.С. Якушенкова заметила, что «в разные эпохи возникает своеобразный спрос на Чужого и его кухню...» (Якушенкова, 2014, с. 325). Анализ воспоминаний детей войны, проживавших на территории Татарской АССР, позволяет найти немало свидетельств о готовности эвакуированных приобретать новые навыки приготовления пищи, использовать новые продукты, а местных жителей – пробовать непривычную, новую пищу пришлого / другого / Чужого. Приехавшие в эвакуацию долго не могли привыкнуть есть суп-лапшу вечером перед сном, как жители татарских сел (Мухутдинова, 2005–2006, с. 10).

Известен случай, когда местная жительница, кормящая мать, стала отдавать часть своего грудного молока еле живой малышке из многодетной семьи, эвакуированной из Ленинграда, у матери которой от голода прекратилась лактация (Мы – волжане, 2005, сс. 208–209).

Т.М. Миннеханова (Булатова), уроженка д. Новые Байлары, находившейся в глубинке Татарской АССР, вспоминая о военном детстве, рассказывала, что в их небольшую деревушку, состоявшую буквально из десятка маленьких домов, привезли эвакуированных из Прибалтики. Местные жители делились с ними последним – несмотря на языковой барьер (они совсем не понимали эстонский и латвийский, приехавшие – татарский). После войны в благодарность бывшие гости

присылали в деревню посылки с подарками. Впервые попробовав халву, Таскира апа с младшей сестренкой подумали, что «это хлеб, вкусный и непривычный» (Ханипова & Кривоножкина, 2013, с. 9).

А.Н. Бардина, рассказывая о войне, вспоминала несколько «интересных случаев», в том числе – как на завод привезли посылку из Америки, и она впервые попробовала тушенку (Бардина, 2020, с. 15).

Возвращавшиеся из больших городов, с фронтов привозили с собой «диковинные вещи». Ю. Г. Коноплев, заслуженный деятель РТ и РФ, проживавший в годы войны в Казани, впервые увидел там «буханку желтого цвета» – головку сыра; узнал, что бывает зеленое мыло. На дне рождения у одного из своих друзей, мама которого устроила для ребят настоящий «прием», с белой скатертью, красивой посудой, бокалами и угощением, он, сын заводских рабочих, познал азы этикета (Коноплев, 2015, с. 73–74).

Порой с едой было связано приобретение новых навыков, взаимовыгодное для участников межкультурного обмена. Так, уроженец д. Елизаветино Верхнеуслонского района ТАССР П. К. Горшков, 1928 г.р., рассказывал, что зимой местные ребята благодаря эвакуированным ленинградцам научились прежде незнакомой жителям некоторых районов республики подледной ловле рыбы. В свою очередь деревенские летом водили приезжих в лес за грибами, желудями, корнями бересклета, показывали все, что можно было использовать в пищу (Горшков, 2013, с. 77).

После войны в разговорах жителей Заказанья, Чистопольском, Мензелинском районах стало фигурировать слово «паштит» (паштет). Заимствованное из немецкого языка, оно употреблялось в республике для обозначения открытых пирогов («бэлишей»), украшенных по особенному – повидлом или перекрученными ягодами / сухофруктами (Милли-мэдэни мирасыбыз, 2017, с. 104). В татарских деревнях начали готовить исконно русское блюдо щи, а позднее – выращивать капусту.

О закономерностях приготовления еды в многонациональной среде, совершенствовании кулинарных способностей рассказывает в своих этюдах о 1960–1970-х гг. Р. Б. Гайнетдинов (Гайнетдинов, 2021, с. 232).

Мы согласны с мнением О.С. Якушенковой, которая делает вывод о важности алиментарных маркеров в выстраивании диалога с Чужим (см.: Якушенкова, 2014). Вместе с тем, применение только такого маркера не всегда применимо к особым периодам в истории республики, например, времени Великой Отечественной войны, когда еда

была однообразной, а для многих – и эвакуированных, и местных – вообще малодоступной.

Казусный случай рассказала Г.С. Хакова, приехавшая с мужем в сер. 1970-х гг. в русскую деревню Мурзиха Елабужского района поднимать колхоз им. Гассара. Деревенские сразу стали уважать специалистов – опытного зоотехника Ильдуса Гизетдиновича и его молодую жену, бухгалтера Гульнару Сайфельхановну, обращаясь к ним всегда по имени отчеству: Илья Григорьевич и Гуля Сергеевна. Однажды их 4–5-летняя дочь пришла домой и стала восторженно рассказывать, как во дворе дома резали поросенка, потом здесь же жарили свиные уши, угостили «лакомством» девочку, и она его с удовольствием попробовала. Мать рассердилась на сельчан, подумала, что над ее ребенком специально поиздевались, зная, что татары и не едят свинину. Выяснилось, что это не так: в деревне существовала традиция – угощать свиными ушами самых дорогих гостей (Хакова, 2020).

«ОДЕВАЛИСЬ ОНИ ИНАЧЕ...»

Одним из аспектов узнавания своих и чужих являлся внешний облик, одежда. Приезжавшие в деревню молодые учителя были чужими для деревенских жителей еще и потому, что пропагандировали новые советские порядки, что привносили с собой чуждый для сельчан мир, иную культуру, отличаясь от деревенских обувью, городским фасоном одежды. У многих девушек уже в предвоенные годы вместо кос была модная стрижка. Вместо платков носили шапочки или кокетливые шляпки. Иной была и речь, часто отличавшаяся от говора местных жителей. Недаром именно учителя в будущем составили костяк советской сельской интеллигенции.

Внешний облик, а также общественная деятельность учителей, вмененная им государственными и партийными органами, вызывали возмущение. Как пишет А.Х. Махутова: «Все это настраивало сельчан, переживавших период разрушения привычного им мира, против чужаков, принесших новые порядки в деревню; на их взгляд, именно эти учителя и были виновны во всех их напастях» (Махмутова, 2017, с. 300).

В 1930-е гг. новинки – шикарные по тем временам туфли, павловские платки – привозили в деревню жители сельских районов, выезжавшие за территорию республики в составе организованных наборов, на шахты, стройки больших городов, на лесозаготовки.

Новые модели и фасоны замелькали в татарстанских деревнях и селах в начале войны. Во многих районах, особенно на окраинах республики, жители, в первую очередь дети и подростки, все еще

одевалась в самотканые одежды. Но, с точки зрения М. С. Зинич, даже в военное время имели место «новые модные тенденции в одежде». Тем более что среди полученных из США по ленд-лизу и в качестве гуманитарной помощи вещей, пусть и ношенных, довольно часто встречались популярные фасоны (Зинич, 2020, с. 215).

Современница событий Н. С. Харитонова, вспоминая об одежде эвакуированных из западных областей женщин, их внешности и манере поведения, бывших редкостью на улицах довоенного Чистополя, рассказывала:

«Большинство эвакуированных женщин казались нам очень красивыми, наверное, так оно и было: и одевались они иначе, и держались иначе. Почти у всех были дамские сумочки – ридикюли, которые тогда носили под мышкой. Женщины были одеты со вкусом – платья, порой скромные (ведь многие бежали от немцев в спешке), но обязательно с какой-нибудь отделкой – кружевные воротнички, у многих маникюр. Отличала их какая-то ухоженность и подтянутость. Это было внове, как и то, что носили очки на улице – в Чистополе до войны они были большой редкостью, и на улице никто в очках не появлялся. Очки с толстыми линзами были у М. В. Исаковского. Он жил на [улице – И.Х.] Льва Толстого около кожзавода, а мы, школьницы, ходили в школу с Энгельса в центр через Берняжку и почти ежедневно видели его. Конечно, очки привлекали внимание. В кинотеатре “Темп” на сеансах кино в фойе играл оркестр. Скрипка и скрипачка Елена Лунц вызывали не меньший интерес, чем очки Исаковского» (Чистополь и чистопольцы, 2004, с. 167-177).

Жители с. Бизяки с теплотой вспоминают эвакуированную учительницу немецкого языка Софью Яковлевну Вайнмайн, еврейку из Житомира.

«Это была очень красивая, живая, общительная молодая женщина. С первых же дней работы в школе она сумела подружить детей двух национальностей, привить любовь к языку великих Гете и Шиллера через свой предмет. После уроков она готовила школьников к концертам. А как сама исполняла украинский танец! Это было просто загляденье! А каков был ее костюм! Старожилы до сих пор помнят этот красивый, яркий, весь в цветах костюм» (Мухутдинова, 2005–2006, с. 10).

Позднее многие «приезжие» ради выживания стали продавать или обменивать на продукты питания свои вещи – одежду, обувь, кольца, в том числе и Софья Яковлевна, но украинский костюм она сохранила.

Приезжие, расселенные по деревням и селам, по возможности меняли свои красивые городские платья на более удобную, а главное

более теплую деревенскую одежду. Кстати, эвакуированные, многие из которых прекрасно управлялись со швейной машинкой, часто шили одежду для местных. Пожилой еврей Меламед Бася, выполнявший заказы Бондюжской швейной мастерской, шил и для бизякинцев – кому шаровары, кому рубашку. Научился он шить и своеобразные татарские фартуки (Мухутдинова, 2005–2006, с. 10).

После окончания длительной разрушительной войны, тяжело сказавшейся не только на жителях территорий, где проходили линии фронта, но и на тыловиках, началось восстановление народного хозяйства страны, приоритетом которого по-прежнему являлась тяжелая промышленность. Об отсутствии разницы во внешнем виде горожан и сельчан в послевоенные годы рассказывала З.Г. Гарипова, чьи родители приехали в Казань после гражданской войны: отец из Санкт-Петербурга, мать из Оренбурга. «Мы в Казани жили недалеко от колхозного рынка, на ул. Тукаевская д. 16. Бабушка наша из Оренбургского края переехала в Атнинский район, в д. Кубян. В конце 1940-х (в 1947–1950 гг.) у нас в квартире часто останавливались деревенские жители, не только родные, но и просто деревенские люди. Выглядели они небогато, но опрятно, у кого замшевая куртка, у кого – оренбургский платок (пуховая шаль)... Когда я училась в университете на 1-м курсе, Тамара Сергеевна Карлова, очень красивая преподаватель, часто спрашивала меня: вы не из румынских татар? Оказывается, тогда на филологии учились двое из Румынии. Я стала выискивать их глазами, красивые, пышнотелые, большеглазые, внешне не отличались от других ребят, не бросались в глаза как другая нация, ходили в такой же советской одежде» (Гарипова, 2021).

В 1950-е и последующие годы сохранялась тенденция направления распространения моды от столиц в города. Р. Б. Гайнетдинов в своих воспоминаниях рассказывал, как молодежь провинциальной Казани в 1950–1960-х гг. не отставала от столичной моды в покрое платьев и рубашек, в форме сумочек, в высоте каблучков или причесок, а в 1970-х с удовольствием носила нейлоновые чулки и плащи-болонья (Гайнетдинов, 2021, сс. 47–48).

В меньшей степени городская мода проникала в деревни. До сих пор в сундуках и шкафах некоторых жителей, прежде всего в семьях сельской интеллигенции (учителей, работников сельсовета), тех, кто по работе имел возможность выезжать в город, хранятся плюшевые жакеты, сменившие в 1950-е – начале 1960-х гг. телогрейки и фуфайки.

В 1960-е гг. А. Миннебаева, уроженка Сармановского района, направленная после окончания фельдшерского училища в с. Апазово Арского района, в первый же день была шокирована идущими

по улице женщинами в «рогатых шапках». Ими оказались особой формы праздничные головные уборы марийских женщин, прибывших в татарское село на деревенский базар из соседней республики. Смущало девушку и то, что речь заказанских татар существенно, на ее взгляд, отличалась от говора в ее родной деревне (Миннебаева, 2020).

Приехавшая в 1968 г. в д. Сикертань Арского района молодым специалистом, бухгалтером, Г.С. Хакова 1949 г.р., вспоминала:

«Народ был вежливый. К нам все хорошо относились. Я очень хорошо одевалась, т.к. мама была учительница и всегда нас опрятно одевала, сама шила. Относительно хорошо одевалась – у меня два шерстяных платья было. И даже одно блестящее из тафты было. Когда девушкой стала – одевать лучше стали, и пальто хорошее после 10 класса мама купила, мое первое зимнее пальто. “Мода” понятие было. Молодежь, кто в Казань ездил, и семья возможность имела, одевалась... А в Сикертань иногда привозили дорогую обувь, тогда модные чехословацкие туфли были. Но быстро раскупались. Идешь в магазин в одной деревне – нет их, идешь в другую. Все деревни вокруг пешком обходили, пока могли купить. Одежда в деревне в 1970-е продавалась такая же, как и в городе, райпо везде снабжало. Но – распродалась быстро. Ультрамодные, дорогие вещи – как в Казани, конечно в деревне не продавались. Закажешь – привезут. А за модой не гонялись. Лишь бы что-то было. Носить-то особо нечего было. Я первые сапоги свои в Арске заказывала – национальную обувь. Специально шили с мехом внутри, зимние – какой-то светло-оранжевый, коричневый цвет был, подешевле, чем черный, поэтому и заказала. На каблукках с натуральным мехом. ...По благу все было в советское время... Дорогие по 90, 70, 40 руб. сапоги нам не по карману были» (Хакова, 2020).

В 1970-е гг. модные фасоны одежды, новые прически появлялись вместе с молодыми специалистами, направляемыми в колхозы и совхозы для подъема сельского хозяйства. Особенно выделялись на фоне колхозниц умелицы, которые по готовым магазинным рубашкам, а также имевшимся в библиотеке журналам «Работница», «Крестьянка» могли раскроить новые наряды.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ НОВАЦИИ

Мы уже отмечали, что в 1930-е гг. вовлечение девушек и женщин в общественную жизнь деревни приводило к постепенному изменению представления сельчан об их социальном положении. В годы Великой Отечественной войны женщины были вынуждены, заменяя ушедших на фронт мужчин, массово садиться за руль тракторов, управлять лобогрейками и сеялками. А в сер. 1930-х гг., с появлением

новой техники, формированием по всей республике машинно-тракторных станций, деревенская молодежь, в том числе и девушки, сами тянулись на курсы трактористов. Так, из небольшого села Новое Надырово Альметьевского района на курсы пошли учиться 50 человек, из них 13 – девушки (Новое Надырово, 2010, сс. 74–75). В истории Татарстана кануна войны немало ярких примеров, когда в районах именно девушки становились передовыми трактористами.

В годы войны эвакуированные отличались не только по одежде и используемым речевым оборотам, но и поведению. Жители татарских деревень неоднократно вспоминали: «наши дети боялись, а приезжие могли спорить, дерзить учителям».

В результате происходившего межкультурного взаимодействия между местными и эвакуированными детьми в досуговую практику казанцев вошли вечерние дворовые концерты и спектакли-постановки перед родителями (Ханипова & Кривоножкина, 2013, сс. 360–361). Несмотря на разные языки и отличия в культурах (городской и деревенской, например). Тяга к познанию Другого была характерна в первую очередь для детей и подростков, быстро включавшихся в процесс социализации и обмена культурными кодами.

Сын военного Г. А. Николаев рассказывал, как мама брала его в клуб полка на кинофильмы, где иногда перед киносеансом под радиолу устраивались танцы. Мальчик наблюдал за вальсирующими молодыми солдатами, офицерами и эвакуированными женами офицеров, а впоследствии с сожалением констатировал: «ни мать моя, ни отец танцевать не умели – выросли в деревне. Зато хорошо пели и плясали на до- и послевоенных вечеринках» (Николаев, 2013, с. 47).

Неблаговидные поступки представителей других национальностей сильно сказывались на формировании образа Чужого. Описывая встречу своей части, направившейся после взятия Брандербурга к Эльбе, с американцами, Ю. Н. Фролов, уроженец Татарской АССР, рассказывал: «Мы не глядя обменивались, кто чем мог. Я с американцем поменялся кировскими часами, это тогда был шик. Он мне отдал маленькие красивые часы, но они не ходили. А потом в России я понес их в мастерскую отдать в починку, а мне сказали: выбросите их, это штамповка. Надул меня янк» (Фролов, 2020, с. 176).

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, скажем, что образы Иного и Чужого часто были связаны с переменами в материальной и духовной культуре жителей республики, в первую очередь – сельской местности. В частности, в период первых десятилетий советской власти, когда происходило

становление нового мировоззрения. А также в годы Великой Отечественной войны, когда вследствие массовой эвакуации в деревнях и селах ТАССР вместе с приезжими появлялись новые фасоны одежды и новые практики хозяйствования. И в эпоху активной урбанизации республики, ярко демонстрировавшей проникновение в районы новых элементов культуры (городского стиля жизни, изменений во внешнем облике колхозников и т.п.).

Использование теорий фронта применительно к советской истории Татарстана позволило показать изменения в культуре, в менталитете народов, населяющих республику, либо временно проживавших на территории Татарской АССР. С одной стороны, в трансформациях явно просматривается линия город / село. С другой – местные / пришлые. Образ Чужого чаще формировался как знания относительно социальной, духовной и материальной культуры представителей различных, живущих рядом общностей.

Анализируя межкультурные коммуникации периода Великой Отечественной войны, когда в многонациональную республику приехало огромное количество эвакуированных и в одной деревне с местными татарами одновременно могли быть расселены русские, евреи, немцы и даже поляки, автор пришел к выводу, чтоприятие Чужого / Другого (крайне редко – не-приятие) наблюдалось с обеих сторон. Применительно к взаимоотношениям эвакуированного и местного населения на территории Татарской АССР действовала не столько формула – «свой / чужой», сколько «свой / другой». Анализ материалов устной истории показывает, что какие-либо межнациональные конфликты отсутствовали.

По нашему мнению, способность к налаживанию диалогов, возможность взаимопроникновения культур базируется на длительном системном воздействии друг на друга бок о бок живущих в республике народов – русских, татар, марийцев, чувашей, мордвы и т.д..

Список литературы

- Алиев, Р. Т. & Якушенкова, О. С. (2018). Алиментарные модели воображаемого Чужого. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (4), 160–166.
- Балалыкина, Э. А. (2013). Война обожгла меня в самом раннем детстве. В *Живая память. Воспоминания детей войны. Выпуск 1* (с. 8–10). Казань: Издательство Казанского университета.

- Бардина, А. И. (2020). Бардина Анна Ивановна. В *На всю оставшуюся жизнь: Воспоминания о Великой Отечественной войне* (с. 14–16). Казань: Издательство Казанского университета.
- Бушканец, И. Н. (2013). Когда началась война... В *Живая память. Воспоминания детей войны. Выпуск 1* (с. 85–92). Казань: Издательство Казанского университета.
- Гайнетдинов, Р. Б. (2021). *Мои ностальгические этюды*. Казань: Идел-Пресс.
- Гарипова, З. Г. (2021). *Интервью с Гариповой Зубаржат Газизовной, 13 июня 1939 г.р. 24.03.2021 г. Архив И.И. Ханиповой*.
- Гладков, А. К. (б. д.). Не так давно. Пять лет с Мейерхольдом. Встречи с Пастернаком. Ч. 1. Воспоминания и размышления. Извлечено от Kzref.org website: <https://kzref.org/mejerholed-tom-2-pyate-let-s-mejerholedom-vstrechi-s-pasternak.html>
- Горшков, П. К. (2013). Весть о войне... В *Живая память. Воспоминания детей войны. Выпуск 1* (с. 76–80). Казань: Издательство Казанского университета.
- Государственный архив Республики Татарстан. (1927). Ф. П-1229. Оп. 1. Д. 581.
- Государственный архив Республики Татарстан. (1942а). Ф. П-15. Оп. 5. Д. 446.
- Государственный архив Республики Татарстан. (1942b). Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 508.
- Государственный архив Республики Татарстан. (1958). Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 508.
- Громова, Н. (Ред.). (2012). *Странники войны: Воспоминания детей писателей. 1941–1944*. Москва: Астрель.
- Зинич, М. С. (2020). Из истории военной повседневности: Одежда и мода. *Путь к Великой Победе: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции*, 212–216. Майкоп.
- Козлова, А. П. (2020). Довоенное время. В *На всю оставшуюся жизнь: Воспоминания о Великой Отечественной войне* (с. 88–92). Казань: Издательство Казанского архитектурно-строительного университета.
- Коноплев, Г. А. (2015). Мои незабываемые воспоминания о войне... В *Живая память. Воспоминания детей войны. Выпуск 2*. Казань: Издательство Казанского университета.
- Махмутова, А. Х. (2017). *Колыбель моя, Бизяки*. Казань: Яз.
- Милли-мэдэни мирасыбыз: Арча [Национальное культурное наследие (Арск)]. (2017). Казань: ИЯЛИ.
- Миннебаева, А. (2020). *Интервью с Альмирой апой Миннебаевой, 8 октября 1940 г.р. 20.09.2020 г. Архив И.И. Ханиповой*.
- Мухутдинова, Р. (2005). Село Бизяки – второй дом для эвакуированных. *Менделеевский музейный вестник*, (4–6), 9–12.
- Мы – волжане! Из прошлого и настоящего города Зеленодольска и Зеленодольского района Республики Татарстан* (2005). Казань: Издательство «По городам и весям».

- Николаев, Г. А. (2013). Война. В *Живая память. Воспоминания детей войны. Выпуск 1* (с. 29–70). Казань: Издательство Казанского университета.
- Новое Надырово: Древняя столица края.* (2010). Казань: Рухият.
- Соболева, Т. Н. & Бобров, Д. С. (2011). Современная российская историография концепции фронта. *Известия Алтайского государственного университета*, (4–1), 189–193.
- Фролов, Ю. Н. (2020). Мы думали, сложатся крылья, но обошлось. В *С войной покончили мы счеты: Воспоминания о Великой Отечественной войне* (с. 172–176). Казань: Издательство Казанского архитектурно-строительного университета.
- Фуко, М. (2006). Другие пространства. В *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3.* Москва: Праксис.
- Хаеров, З. М. (2020). Северные моряки – люди особого склада. В *С войной покончили мы счеты: Воспоминания о Великой Отечественной войне* (с. 180–181). Казань: Издательство Казанского архитектурно-строительного университета.
- Хакова, Г. С. (2020). *Интервью с Хаковой Гульнаррой Сайфельхановой, 29 сентября 1949 г.р. 20.09.2020 г.* Архив И.И. Ханиповой.
- Ханипова, И. И. & Кривоножкина, Е. Г. (Ред.). (2013). *Дети в условиях эвакуации. Татарская АССР. 1941-1945 гг.: Сборник документов и материалов.* Казань: ГАУ при КМ РТ.
- Ханипова, И. И. & Кривоножкина, Е. Г. (2018). Заключенные лагеря № 97 НКВД СССР в воспоминаниях очевидцев, или еще раз к вопросу об исторической памяти. *Гасырлар авазы – Эхо веков*, (3), 55–78.
- Хлыщева, Е. В. (2016). Конструкты межкультурного взаимодействия на фронтирных территориях: К проблеме культурной безопасности. *Журнал Фронтирных Исследований*, (1), 33–43.
- Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. Научно-популярное издание* (2004). Казань: Издательство «По городам и весям».
- Якушенков, С. Н. & Палаткин, В. В. (2020). Мы наш и новый мир накормим: Несколько кейсов алиментарных традиций фронтирных регионов. Часть 1. *Журнал Фронтирных Исследований*, 5(4), 237–285. doi: 10.46539/jfs.v5i4.241
- Якушенков, С. Н., Романова, А. П., Баева, Л. В., Хлыщёва, Е. В., Морозова, Е. В., & Якушенкова, О. С. (2014). «Фронт как эвристическая модель историко-культурного познания». Материалы круглого стола. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (4), 304–314.
- Якушенков, С. Н. & Якушенкова, О. С. (2010). Чужое тело сквозь призму встречи цивилизаций или личико Гюльчатай. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (4), 111–117.
- Якушенков, С. Н. & Якушенкова, О. С. (2012). Тело варвара: Конструирование образа Чужого на китайском фронтире. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (4), 233–240.

Якушенкова, О. С. (2014). Скажи, что ты ешь, и я скажу, кто ты. Алиментарный культурный диалог с Чужим. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (2), 319–326.

References

- Aliev, R. T. & Yakushenkova, O. S. (2018). Alimentary models of the imaginary Other. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (4), 160–166. (In Russian).
- Balalykina, E. A. (2013). The war burned me in my earliest childhood. In *Living Memory. Memories of Children of War. Issue 1* (pp. 8–10). Kazan: Kazan University Press. (In Russian).
- Bardina, A. I. (2020). Bardina Anna Ivanovna. In *For the Rest of My Life: Memories of the Great Patriotic War* (pp. 14–16). Kazan: Kazan University Press. (In Russian).
- Bushkanets, I. N. (2013). When the War Began.... In *Living Memory. Memories of Children of War. Issue 1* (pp. 85–92). Kazan: Kazan University Press. (In Russian).
- Chistopol and the people of Chistopol. From the past and the present. Popular Science Edition* (2004). Kazan: Publishing house “By Cities and Towns”. (In Russian).
- Foucault, M. (2006). The other spaces. In *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 3*. Moscow: Praxis. (In Russian).
- Frolov, Y. N. (2020). We thought the wings would fold, but they did not. In *We're done with the war: Memories of the Great War* (pp. 172–176). Kazan: Publishing house of Kazan Architecture and Construction University. (In Russian).
- Gainetdinov, R. B. (2021). *My nostalgic sketches*. Kazan: Idel-Press. (In Russian).
- Garipova, Z. G. (2021). *Interview with Zubarzhata Garipova, born on June 13, 1939. 24.03.2021*. Archive of I. I. Khanipova. (In Russian).
- Gladkov, A. K. (n. d.). Not so long ago. Five years with Meyerhold. Meetings with Pasternak. Part 1. Memories and Reflections. Retrieved from Kzref.org website: <https://kzref.org/mejerholed-tom-2-pyate-let-s-mejerholedom-vstrechi-s-pasternak.html> (In Russian).
- Gorshkov, P. K. (2013). The news of the war.... In *Living Memory. Memories of Children of War. Issue 1* (pp. 76–80). Kazan: Kazan University Press. (In Russian).
- Gromova, N. (Ed.). (2012). *Wanderers of War: Memories of Children of Writers. 1941-1944*. Moscow: Astrel. (In Russian).
- Haerov, Z. M. (2020). Northern seafarers - people of a special kind. In *We're done with the war: Memories of the Great Patriotic War* (pp. 180–181). Kazan: Publishing house of Kazan Architecture and Construction University. (In Russian).
- Khakova, G. S. (2020). *Interview with Gulnara Sayfelkhanovna Khakova, born September 29, 1949. September 20, 2020*. Archive of I. I. Khanipova. (In Russian).
- Khanipova, I. I. & Krivonozhkina, E. G. (2018). Prisoners of the USSR NKVD Camp No. 97 in Memoirs of Eyewitnesses, or Once Again to the Question of Historical Memory. *Gasirlar Avazy - Echoes of the Ages*, (3), 55–78. (In Russian).

- Khanipova, I. I. & Krivonozhkina, E. G. (Eds.). (2013). *Children in conditions of evacuation. Tatar ASSR. 1941–1945: Collection of documents and materials*. Kazan: SAU under KM RT. (In Russian).
- Khlysheva, E. V. (2016). Constructs of Intercultural Interaction in Frontier Territories: To the Problem of Cultural Security. *Journal of Frontier Studies*, (1), 33–43. (In Russian).
- Konoplev, G. A. (2015). My unforgettable memories of the war... In *Living Memory. Memories of Children of War. Issue 2*. Kazan: Kazan University Press. (In Russian).
- Kozlova, A. P. (2020). Pre-war time. In *For the Rest of My Life: Memories of the Great Patriotic War* (pp. 88–92). Kazan: Publishing house of Kazan Architecture and Construction University. (In Russian).
- Makhmutova, A. H. (2017). *My cradle, Bizyaki*. Kazan: Yaz. (In Russian).
- Minnebayeva, A. (2020). *Interview with Almira Apa Minnebayeva, born October 8, 1940. September 20, 2020*. Archive of I. I. Khanipova. (In Russian).
- Mukhutdinova, R. (2005). Bisyaki Village – Second Home for Evacuees. *Mendeleev Museum Bulletin*, (4–6), 9–12. (In Russian).
- National Cultural Heritage (Arsk)*. (2017). Kazan: IYALI. (In Tatar).
- New Nadyrovo: The ancient capital of the region*. (2010). Kazan: Rukhiyat. (In Russian).
- Nikolaev, G. A. (2013). War. In *Living Memory. Memories of Children of War. Issue 1* (pp. 29–70). Kazan: Kazan University Press. (In Russian).
- Soboleva, T. N., & Bobrov, D. S. (2011). Modern Russian Historiography of the Frontier Concept. *Proceedings of the Altai State University*, (4–1), 189–193. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan. (1927). *F. P-1229. In. 1. C. 581*. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan. (1942a). *F. P-15. In. 5. C. 446*. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan. (1942b). *F. R-1296. In. 18. C. 508*. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan. (1958). *F. R-1296. In. 18. C. 508*. (In Russian).
- We are Volzhans! From the past and present of the city of Zelenodolsk and the Zelenodolsky District of the Republic of Tatarstan*. (2005). Kazan: Publishing house “By Cities and Towns”. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. & Palatkin, V. V. (2020). We will Feed Our and a New World: Several Cases of Food Ways of Frontier Regions. Part I. *Journal of Frontier Studies*, 5(4), 237–285. doi: 10.46539/jfs.v5i4.241 (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. & Yakushenkova, O. S. (2012). The Body of the Barbarian: Constructing the Image of the Other on the Chinese Frontier. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (4), 233–240. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. & Yakushenkova, O. S. (2010). The Other's Body Through the Prism of the Meeting of Civilizations or Gulchatai's Face. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (4), 111–117. (In Russian).

- Yakushenkov, S. N., Romanova, A. P., Baeva, L. V., Hlysheva, E. V., Morozova, E. V. & Yakushenkova, O. S. (2014). "The Frontier as a Heuristic Model of Historical and Cultural Knowledge". Proceedings of the Round Table. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (4), 304–314. (In Russian).
- Yakushenkova, O. S. (2014). Tell me what you eat, and I'll tell you who you are. Alimentary Cultural Dialogue with the Other. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (2), 319–326. (In Russian).
- Zinich, M. S. (2020). From the History of Military Everyday Life: Clothing and Fashion. *The Road to the Great Victory: History and Modernity: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference*, 212–216. Maykop. (In Russian).